

Ф.И. Буслаев

**Испанский народный эпос о
Сиде**

**Приложение к 5 тому Записок
Императорской академии наук
№6**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Ф11

Ф11 **Ф.И. Буслаев**
Испанский народный эпос о Сиде: Приложение к 5 тому Записок Императорской академии наук №6 / Ф.И. Буслаев – М.: Книга по Требованию, 2013. – 99 с.

ISBN 978-5-4241-3601-6

ISBN 978-5-4241-3601-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

но вопросъ, поднятый въ сороковыхъ годахъ въ нашей ученой литературѣ, и до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ, частью потому, что на него не обращали вниманія, а, можетъ быть, и потому, что онъ и не заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Можетъ быть, это сравненіе нашего богатыря съ испанскимъ героемъ не болѣе, какъ риторическая фраза, совершенно случайное сопоставленіе, все равно, какъ было бы случайно сравненіе его съ Александромъ Македонскимъ или съ Невродомъ.

Но вопросъ былъ постановленъ и занесенъ въ такую книгу, которая при крайней у насъ бѣдности ученой разработки исторіи русской литературы, пользуется, впрочемъ вполнѣ заслуженною извѣстностью. Это сравненіе испанскихъ романсовъ съ русскими былинами можетъ повторяться и въ учебникахъ и въ урокахъ преподавателей, возбуждая тѣ же недоумѣнія и сомнѣнія, которыми оно было встрѣчено когда-то, и которыя и доселѣ не разъяснены ученою постановкою и строгимъ критическимъ рѣшеніемъ этого вопроса.

Ближайшимъ путемъ для достиженія этой цѣли прежде всего должно быть обстоятельное знакомство съ народнымъ испанскимъ эпосомъ въ его источникахъ, предметъ, которому посвящается эта монографія, тѣмъ болѣе не лишняя въ нашей литературѣ, что она восполнитъ скудные свѣдѣнія о Сидѣ, распространенныя въ нашей публикѣ немногими романсами въ переводѣ Жуковского, и при томъ не совсѣмъ удачно выбранными.

Предварительно слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ вообще о сравнительномъ методѣ въ изученіи народной поэзіи.

Если народный эпосъ котораго либо одного изъ индоевропейскихъ народовъ основывается на мифологическихъ преданіяхъ; то, само собою разумѣется, сравнительная мифологія индо-европейскихъ народностей, такъ удачно разрабатываемая въ настоящее время, предложитъ много данныхъ для сравнительнаго изученія такого эпоса. Это, безъ сомнѣнія, можно сказать объ эпосѣ нѣмецкомъ вообще и о сѣверномъ въ особенности. Если же народный эпосъ слагается преимущественно изъ элементовъ историческихъ, то есть, значительно позднѣйшихъ, каковы французскія такъ называемыя *Chansons de Geste* или испанскіе романсы о Сидѣ; то собственно сравнительный методъ, основанный на мысли о первобытномъ сродствѣ индо-европейскихъ народностей, такъ же мало можетъ быть приѣмлемъ къ этимъ произведеніямъ романскихъ племенъ, какъ къ новелламъ Боккачіо или къ Письмовнику Курганова.

Эпосъ романскихъ племенъ, сосредоточенный на историческихъ личностяхъ и развитый въ обстановкѣ христіанскихъ понятій и обычаевъ, рѣзко отдѣляется искусственностью въ жизни и въ литературѣ отъ первобытныхъ начатковъ индо-европейской мифологіи, бывшихъ нѣкогда общими достояніемъ всѣхъ одноплеменныхъ народовъ. Въ *Пѣснѣ о Роландѣ*, равно какъ и въ *Романсахъ о Сидѣ*, уже христіанская легенда заступаетъ мѣсто мифологическаго чудеснаго. Сравнивать между собою такія произведенія можно только исторически, то есть, указывая на позднѣйшее литературное вліяніе одного произведенія на другое, или ставя ихъ на одинаковой степени относительно выражаемаго ими историческаго развитія ранней цивилизаціи во Франціи и Испаніи. Слѣдуя этому методу, нѣкоторые ученые объясняютъ себѣ испанскую поэму о Сидѣ XII вѣка вліяніемъ французскихъ *Chansons de Geste* и особенно вліяніемъ Пѣсни о Роландѣ. По этому же методу можно изучать сравнительно народный бытъ французскій и испанскій, по скольку тотъ и другой отразились въ раннихъ эпическихъ произведеніяхъ этихъ обѣихъ націй.

Обращаясь къ русскимъ былинамъ, сначала надобно постановить на видъ, что наши ученые еще не успѣли согласиться въ пути, по которому слѣдуетъ разрабатывать русскій народный эпосъ. Одни надѣются открыть въ немъ первобытныя основы, общія всѣмъ индо-европейскимъ народамъ, и усвоиваютъ себѣ собственно сравнительный методъ. Другіе, опасаясь, чтобъ сравнительная мифологія не завела изслѣдователей слишкомъ далеко, ограничиваются методомъ историческимъ, и въ русскихъ былинахъ только то считаютъ существенно важнымъ, въ чемъ выражается позднѣйшій историческій бытъ русскаго народа.

Кто допускаетъ методъ собственно сравнительный, тотъ можетъ, напримѣръ, сблизить Илью Муромца съ Торомъ или съ другимъ какимъ нибудь лицомъ мифологическаго эпоса родственныхъ индо-европейскихъ народовъ. Если же кто нибудь вздумалъ сравнить того же русскаго богатыря съ Роландомъ или Сидомъ, съ личностями историческими, оторванными отъ раннихъ основъ мифологическаго эпоса и развитыми въ эпосѣ собственно историческомъ; то это сравненіе было бы только случайнымъ сопоставленіемъ двухъ совершенно разнородныхъ личностей — одной изъ русскаго быта, другой — изъ французскаго или испанскаго, не имѣющихъ между собою ничего общаго, не соприкасавшихся другъ съ другомъ въ эпоху созданія этихъ эпическихъ идеаловъ.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ сравненіе возможно только въ одномъ отношеніи, именно, по степени развитія народнаго быта, выраженнаго въ русскихъ былинахъ съ одной стороны, и въ пѣснѣ о Роландѣ или въ романсахъ о Сидѣ съ другой. И русскій бытъ, и французскій или испанскій, тотъ и другой исторически сложились независимо другъ отъ друга, но могли между собою сходствовать, какъ по врожденному всѣмъ народамъ единообразію въ общихъ началахъ историческаго развитія, такъ и по христіанскимъ основамъ, общимъ въ цивилизаціи всѣхъ европейскихъ народовъ, и католическихъ и православныхъ.

Если г. Шевыревъ только на основаніи этого отдаленнаго сходства между русскою и испанскою народностями сравнивалъ нашего Илью Муромца съ испанскимъ Сидомъ; то спрашивается, какой эпическій типъ Сиды имѣлъ онъ въ виду? Потому что, одно и тоже историческое лицо, Донъ-Руй Діазъ Сидъ Кампеадоръ, иначе является въ поэмѣ XII в., иначе въ стихотворной хроникѣ того же столѣтія, иначе въ позднѣйшей прозаической хроникѣ, наконецъ не одинаковымъ является даже въ романсахъ, смотря по ихъ древности и по большому или меньшему влиянію искусственной литературы на тотъ или другой вариантъ въ испанскихъ романсахъ. Общественная и народная жизнь на западѣ подвергалась въ своемъ историческомъ ходѣ большимъ видоизмѣненіямъ, нежели у насъ на Руси. Можетъ быть, Сидъ древнѣйшій или болѣе народный ближе подходитъ къ нашему богатырю, или можетъ быть, уже и ранніе источники испанскаго эпоса XII вѣка предложить намъ такія черты, которыя были бы слишкомъ искусственны и слишкомъ подновлены, сравнительно съ монументальною первобытностью русской быliny, и доселѣ процвѣтающей въ устахъ народа.

Своимъ сравненіемъ г. Шевыревъ особенно чувствительно затрогиваетъ національную гордость русскаго человѣка. Для болѣе яснаго сознанія своего собственнаго національнаго достоинства, такъ высоко поставленнаго профессоромъ въ идеалѣ Ильи Муромца, желалось бы основательнѣе освѣдомиться, не было ли и въ основахъ эпическаго Сиды чего нибудь болѣе общаго съ просто-народнымъ характеромъ нашего Ильи Муромца, и не чувствовалось ли въ историческомъ развитіи испанскаго героя послѣдовательное искаженіе болѣе чистаго народнаго типа, по мѣрѣ осложненія его разными наносными элементами, вводимыми цивилизаціею и искусственностью? Однимъ словомъ, сравнивать или противопоставлять въ этомъ случаѣ возможно будетъ только тогда, когда

воплотѣ опредѣлится историческій уровень сопоставляемыхъ предметовъ. Только этимъ путемъ основательно можно уяснить себѣ отношеніе русской былины къ эпизодамъ романскаго эпоса и опредѣлить степень историческаго быта, въ ней изображеннаго.

Въ романскомъ эпосѣ, дѣйствительно, можно найти много подробностей, сходныхъ съ встрѣчающимися въ нашихъ былинахъ. Сходство это, безъ сомнѣнія, не имѣетъ ничего общаго съ единствомъ первобытныхъ основъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Оно скорѣе объясняется вообще простотою и грубостью ранней цивилизаціи средневѣковыхъ народовъ, нѣкоторыми обычаями, которые искусственными путями распространялись между народами, у однихъ раньше, у другихъ позднѣе, наконецъ вліяніемъ христіанства, церковныхъ книгъ и другихъ литературныхъ источниковъ, общихъ и на Востокѣ, и на Западѣ.

Французскіе герои въ *Chansons de Geste*, такъ же какъ наши богатыри въ былинахъ, отличаются непомерною силою, и въ этомъ случаѣ сохраняютъ въ себѣ нѣкоторыя черты сверхъестественныхъ личностей древнѣйшаго мифологическаго эпоса, хотя уже значительно искаженныя сказочною фантастичностью и болѣе или менѣе сближенныя съ средневѣковыми легендами. Такъ *Графъ Вильгельмъ Курносый* или *Оранжевый* ¹⁾, подъ конецъ своей тревожной воинской жизни, спасая свою душу въ монашескихъ трудахъ, однажды, будучи посланъ изъ монастыря за покупкою рыбы, встрѣчаетъ въ лѣсу разбойниковъ и отдѣляется отъ нихъ съ такимъ же молодечествомъ и непомерною силою, какими въ былинахъ характеризуются русскіе богатыри. Однимъ ударомъ кулака Вильгельмъ поразилъ самого атамана, потомъ другаго разбойника, потомъ схватилъ еще двоихъ и такъ стукнулъ другъ о друга, что разможилъ ихъ черепы; схватилъ еще одного, и, махнувши имъ три раза въ воздухъ, разшибъ въ дребезги обѣ дубы. Тогда остальные разбойники стали метать въ него копьями. Плохо пришлось графу, и только тогда онъ догадался, что аббатъ его предалъ, намѣренно пославши мимо разбойничьяго стана и не велѣлъ ему вооружаться ни латами, ни щитомъ. Сверхъ того аббатъ не велѣлъ ему ничѣмъ другимъ не драться, какъ *молотомъ и костью*; потому Вильгельмъ выломилъ у одного изъ лошаковъ ногу съ окошкомъ, и сталъ ею такъ ловко помакивать, что перебилъ остальныхъ разбойниковъ. Потомъ, помолившись Богу объ исцѣленіи ло-

¹⁾ Jonckbloet, Guillaume d'Orange. 1854 г., II, стр. 134 и слѣд.

шака, онъ приставилъ къ нему выломленную ногу, и нога, по повелѣнію Божію, тотчасъ приросла.

Этотъ послѣдній мотивъ отзывается глубокою древностію. Также чудеснымъ образомъ воскрешаетъ своего козла Скандинавскій Торъ — мифъ, который, по мнѣнію нѣмецкихъ ученыхъ, впоследствии былъ перенесенъ на Сильвестра папу въ сказаніи о томъ, какъ онъ воскресилъ быка.

Подобное же приключеніе хроника монастыря Новалезе приписываетъ Вальтеру Аквитанскому во время его монашества.

Вмѣстѣ съ страшною силою, герои, какъ наши богатыри, непомерно много пьютъ и ѣдятъ. Такъ *Оже Датскій Ёль* въ пятеро больше обыкновеннаго воина.

Французскіе герои раннихъ эпическихъ сказаній, еще не успѣвшихъ принять на себя искусственный лоскъ рыцарской сентиментальности отличаются суровыми нравами и варварскою жестокостію, не уступая въ этихъ качествахъ нѣкоторымъ изъ нашихъ богатырей.

Для примѣра вотъ нѣсколько выдержекъ изъ *пѣсни о Логереняхъ* или *Лорренахъ* (Logerains, Loggains) ¹⁾. Вся эта пѣсня наполнена повѣствованіями о междоусобныхъ стычкахъ между феодальными фамиліями. Въ описаніи воинскаго быта чувствуется еще ранняя, суровая эпоха. Въ повѣствованіи о враждѣ сыновей Гервиса Метцкаго, Гарена Лорренскаго и Бега или Бегона де Белэнъ съ фамиліею Фромона Бордосскаго, между прочимъ разсказывается, какъ Бегонъ, убивши на поединкѣ своего врага Изоре, бросился на его трупъ, распоролъ ему грудь (какъ обыкновенно дѣлаютъ и наши богатыри), и, вынувши оттуда сердце, бросилъ его въ лицо родственнику убитаго, воскликнувши: «вотъ тебѣ сердце твоего двоюроднаго брата! хотъ посоли его, хотъ изжарь!»

Гаренъ былъ убитъ. Сынъ его, Жирберъ, отправляясь въ Парижъ къ королю Пепину, на пути встрѣтился съ однимъ изъ убійцъ своего отца, и жестоко отомстилъ ему. Отрубилъ ему голову, распоролъ грудь и животъ, внутренности кинулъ рѣку, и, изрубивши трупъ на мелкія части, разбросалъ ихъ по полю. Къ такимъ же точно жестокостямъ не разъ прибѣгаютъ и наши богатыри, даже самъ Илья Муромецъ, впрочемъ, при всей его гуманности, сравнительно съ другими его товарищами. Вотъ напримѣръ, какъ онъ поступаетъ съ своимъ роднымъ сыномъ, Соколыникомъ:

¹⁾ Histoire littéraire de la France, XXII, стр. 587 и слѣд.

Ударилъ Сокольника въ бѣлы груди
 И вышибъ выше лѣсу стоячаго,
 Ниже облака ходячаго;
 Упалъ Сокольникъ на сыру землю,
 Выбивалъ головой, какъ пивной котелъ;
 Выскочетъ Илья изъ бѣла шатра,
 Хватилъ за ногу на другу наступилъ,
 На полы Сокольника разорвалъ,
 Половину бросилъ въ Сахатаръ рѣку,
 А другую оставилъ на своей сторонѣ:
 «Вотъ тебѣ половинка, мнѣ другая:
 «Раздѣлилъ я Сокольника, охотничка».

Еще безчеловѣчнѣе казнить онъ свою дочь:

Ступилъ онъ паленицы на лѣву ногу.
 И подергнувъ паленицу за праву ногу:
 Онъ ю на двое порѣзываетъ.
 Первую частичку рубилъ онъ на мелкіе куски
 И рылъ онъ по раздольищу чисту полю,
 Кормилъ эту частичку сѣрымъ волкамъ;
 А другую частичку рубилъ онъ на мелкіе куски,
 Рылъ онъ по раздольищу чисту полю,
 Кормилъ эту частичку чернымъ воронамъ ¹⁾.

При суровости нравовъ вообще, положеніе женщины во французскихъ *Chansons de Geste* очень не завидное и во многомъ сходное съ описываемымъ въ нашихъ былинахъ. Жестокое обращеніе съ женщинами тѣмъ непріятнѣе поражаетъ во французскихъ пѣсняхъ, что произведенія эти, рядомъ съ варварскими выходками, грубымъ отсадкомъ старины, предлагаютъ образчики и рыцарской вѣжливости.

Въ примѣръ жестокости можно привести изъ *пѣсни о Доонѣ Маинцкомъ* ²⁾ подробности о томъ, какъ его мать овлеветалъ Сенешаль Гершамъ въ убійствѣ ея мужа, графа Маинцкаго Гюи, то есть, отца героя пѣсни Доона. Сенешаль схватилъ графиню за косы и притащилъ на судилище, гдѣ собравшіеся бароны такъ же безчеловѣчно съ нею обращаются, рвутъ ей косы и связываютъ руки такъ крѣпко, что кровь изъ подъ ногтей показалась.

Французскіе герои уже, какъ рыцари, говорятъ комплименты своимъ дамамъ, но часто поступаютъ съ ними такъ же наивно и

¹⁾ Смотр. Кирѣевск. Пѣсни 1, 16; Рубник. Пѣсни I, 80. 74—75. Слич. также въ монографіи; *Русскій богатырскій эпосъ* въ Русск. Вѣсти. за 1863 г.

²⁾ Les anciens poètes de la France. Doon de Maïence, par Pey. 1859.

грубо, какъ наши нецивилизованные богатыри. Въ то время, какъ *Роландъ* совершаетъ подвиги на полѣ битвы, его невѣста *Альда*, стоя на городской стѣнѣ во враждебномъ войскѣ, любитъся на своего рыцаря, и, будто сама напрашиваясь, бросаетъ ему вызывающій намекъ: «я думаю, что ужъ вѣрно не пощадили бы вы и меня, если бы вамъ удалось похитить меня отсюда въ свою палатку». *Роландъ* не вытерпѣлъ, бросился на валъ, схватываетъ *Альду* и увлекаетъ въ свою палатку ¹⁾.

У насъ въ старину выдавали дѣвницу за мужъ, не только не справляясь съ ея сердцемъ, но даже до самаго вѣнца не сказывая ей, за кого ее выдаютъ, будто это дѣло вовсе и не ея касается. Тотъ же обычай не разъ проглядываетъ во французскихъ *Chansons de Geste*. Такъ въ *пѣснѣ о четверыхъ сыновьяхъ Аймона*, Гасконскій король Ионъ такимъ же порядкомъ выдаетъ свою сестру *Кларину* за знаменитаго *Ринальда*, одного изъ этихъ четверыхъ героевъ. Гасконскій король приходитъ къ *Кларинѣ*, и увѣдомляетъ ее, что онъ, безъ ея вѣдома, уже отдалъ ея руку жениху. Сестра въ смущеніи и страхѣ спрашиваетъ: «ради Бога, скажите, кому вы меня отдали?» — «Будь спокойна, прекрасная сестра! Лучшему изъ рыцарей, какой когда либо опоясывалъ свой мечъ: я тебя отдалъ статному *Ринальду*, сыну *Аймона*». Услышавши то — продолжаетъ пѣсня — дѣвица успокоилась ²⁾.

Униженіе правъ женщины развиваетъ и поддерживаетъ въ ней обманъ, хитрость и дурныя наклонности. Наши былины любятъ изображать княгиню *Апраксѣевну* въ роли *Пентефріевой* жены. Точно также, супруга короля *Карла*, *Гаміенна*, полюбила *Гарена Монгланскаго*, и разъ сдѣлала ему сцену въ родѣ той, какая была между *Иосифомъ Прекраснымъ* и супругою *Фараонова* царедворца. Когда *Гаренъ* отвергъ ласки королевы, на ея вопли пришелъ самъ *Карлъ*, и королева должна была признаться, что страстно любитъ *Гарена*. *Карлъ* поклялся убить соперника. Съ этою цѣлью онъ садится съ нимъ играть въ шахматы. Если выиграетъ *Гаренъ*, можетъ взять, чтò хочетъ, даже корону *Франціи* и самое королеву, а если проиграетъ, заплатитъ своею головою. Садясь играть, поклялись они на крестѣ и *Евангеліи*. *Гаренъ* выигралъ, но не потребовалъ отъ *Карла* условленнаго залога ³⁾.

¹⁾ «Lai en feist toute sa volonté» Histoire lit. de la France. XXII, стр. 455.

²⁾ Ibid. стр. 682.

³⁾ Ibid. стр. 441.

Я привелъ эти послѣднія подробности для того, чтобъ показать, какъ онѣ сходны съ описанными не разъ въ нашихъ былинахъ. Игра въ шахматы и у нашихъ богатырей и ихъ супруговъ, и у французскихъ героевъ и героинь — самая употребительная забава. И у насъ, и во Фравціи, эпическіе игроки, садясь играть въ шахматы, быются «о великъ закладъ».

Мы еще разъ воротимся къ мелкимъ бытовымъ подробностямъ, общимъ въ нашихъ пѣсняхъ и въ французскихъ *Chansons de Geste*; а теперь, въ разсужденіи положенія женщины, считаю необходимымъ заключить слѣдующимъ сравненіемъ.

Запава Путятишна, отличающаяся отъ другихъ своихъ современницъ эмансипированнымъ характеромъ, сама приходитъ къ Соловью Будимировичу свататься. Это жениху не понравилось:

Всѣмъ ты мнѣ, дѣвица, въ любовь пришла,
А тѣмъ мнѣ ты, дѣвица, не слюбилася,
Что сама себя, дѣвица, просватала ¹⁾.

Тотъ же мотивъ встрѣчаемъ и въ романскомъ эпосѣ, не смотря на значительное развитіе понятій о достоинствахъ женщины, внесенное въ *Chansons de Geste* рыцарскими нравами. По смерти герцога Бургонскаго, король Карлъ предлагаетъ *Жирану Вианскому* Бургонью, а въ супруги ему прекрасную вдову того герцога. Потомъ Карлъ раздумалъ, потому что самъ плѣнился красотой вдовы и хотѣлъ на ней жениться. Но герцогиня больше нравится Жирану. Она сама къ нему приходитъ и объявляетъ ему, что его любитъ, и сама предлагаетъ ему свою руку. Тогда Жиранъ съ негодованьемъ ее спрашиваетъ: «не ужели обычай измѣнился, и теперь принято, чтобъ сами невѣсты приходили свататься?» ²⁾.

Изъ множества мелкихъ подробностей, общихъ нашимъ былинамъ и романскому эпосу, для примѣра приведу нѣсколько. Иныя подробности объясняются вліяніемъ разныхъ сказокъ и сказаній, въ ранніе средніе вѣка распространенныхъ и на востокѣ, и на западѣ; иныя — объясняются одинаковыми или сходными условіями и обстоятельствами историческаго быта.

Узнавать человѣка, долго отсутствовавшаго, по кольцу, которое когда-то было дано ему — мотивъ самый общій и въ сказкахъ, и

¹⁾ Слич. Рыбник. Пѣсни 1, 331, и монографію: *Русскій богатырскій эпосъ*.

²⁾ Histoire lit. de la France. XXII, стр. 450.

въ эпизодахъ народнаго эпоса. Такъ въ *пѣснѣ о Жирарѣ Русмунскомъ*, королева узнаетъ этого героя между нищими въ церкви, по кольцу, которое она сама нѣкогда дала ему.

Какъ мать Добрыни Никитича, послѣ многолѣтней его отлучки, насилу узнаетъ его, страшно измѣнившагося отъ непогоды и всякихъ превратностей, претерпѣнныхъ на пути; такъ и супруга *Аймона* узнаетъ своего сына Ринальда по ранѣ, полученной имъ въ дѣтствѣ, не смотря на то, что отъ лишеній во время семилѣтняго скитальчества онъ страшно измѣнился: кожа на немъ одеревенѣла, а лицо почернѣло.

Карлъ воспитывалъ при себѣ *Гарнье Нантѣйскаго*, внука Доона Маинцкаго, и очень любилъ его ¹⁾; бралъ съ собою на охоту и всегда держалъ при себѣ, а когда ложился спать, то Гарнье приходилъ въ спальню и забавлялъ Карла пѣснями. Этотъ придворный обычай соотвѣтствуетъ въ нашихъ былинахъ должности княженецкаго *постельника*ю. При князѣ Владимірѣ ²⁾ въ этой должности особенно знаменитъ былъ Чурило Пленковичъ:

И живетъ то Чурило въ постельникахъ,
Стелетъ перину пуховую,
Кладываетъ зголовнице высокое,
И сидитъ у зголовница высокаго,
Играетъ въ гусельшки яровчаты,
Спотѣшаетъ князя Владимира
А княгиню Опраксию больше того ³⁾.

Въ былинѣ о Ермакѣ ⁴⁾, казаки, чтобъ увеличить свое войско въ глазахъ непріятели, прибѣгнули къ хитрости:

Подѣлали людей соломенныхъ
И нашили на нихъ платье цвѣтное:
Было у Ермака дружины триста человекъ,
А стало уже со тѣми больше тысячи.

Въ *Пѣснѣ объ Ожѣ Датскомъ*, Карлъ осаждаетъ этого героя въ замкѣ Кастельфоръ. Послѣ продолжительной осады, Ожѣ те-

¹⁾ Въ пѣснѣ *Gui de Nanteuil*, изд. Мейеромъ, 1861 г.

²⁾ Рыбник. Пѣсни 1, 265.

³⁾ Слич. во французской пѣснѣ:

Quant le roi vent dormir, Garniers est au couchier,
Et dit chansons et sons por le noi solacier.

⁴⁾ Кирш. Данил. стр. 116.

ряетъ, одного за другимъ, всѣхъ своихъ воиновъ, и въ крайности прибѣгаетъ къ подобной же хитрости. Какъ искусный скульпторъ, надѣлагъ онъ изъ дерева воиновъ, съ ногъ до головы одѣтъ въ вооруженіе, и, для большаго страха врагамъ, изъ хвоста своего коня подѣлагъ этимъ чучеламъ длинныя бороды и распустилъ ихъ. Хитрость произвела полный успѣхъ. Карлъ вообразилъ, что самъ адъ помогаетъ Оже, замѣняя убитыхъ воиновъ живыми.

Борода, имѣющая не малое значеніе во внѣшнемъ типѣ нашихъ богатырей, равно какъ и въ иконописныхъ подлинникахъ древней Руси, играетъ не послѣднюю роль и въ бытѣ, и въ эпическихъ выраженіяхъ у Романскихъ народовъ, напр. въ знаменитой *Песнѣ о Роландѣ*, въ древнѣйшихъ источникахъ испанскаго эпоса о Сидѣ¹⁾.

Изъ приведенныхъ примѣровъ очевидно, что сближеніе нашихъ былинъ съ эпизодами Романскаго эпоса можетъ быть только случайное, основанное не на общихъ источникахъ, а на одинаковомъ уровнѣ историческаго развитія быта и соответствующихъ быту поэтическихъ представленій. И на оборотъ, различныя степени бытоваго и политическаго развитія отражаются и въ поэзіи различіемъ въ типахъ нашихъ богатырей и романскихъ героевъ. Такииъ образомъ Сидъ Кампеадоръ, по однимъ источникамъ испанскаго эпоса звѣстной эпохи, можетъ сходствовать съ нашимъ Ильей Муромцемъ, по другимъ — существенно отъ него отличаться.

Даже во французскихъ *Chansons de Geste*, не смотря на господствующіе въ нихъ рыцарскіе нравы и на искусственность въ жизни и въ поэтическомъ ея воспроизведеніи, встрѣчается много сходнаго съ тѣми обстоятельствами, которыми наша былина окружаетъ Князя Владиміра; и какъ нашъ Илья Муромецъ, въ сознаніи своей независимости, отказывается служить при дворѣ княженецкомъ, также поступаютъ и нѣкоторые изъ французскихъ героевъ въ отношеніи къ своему Карлу.

Такъ напримѣръ, *Песнь о Вильгельмѣ Курносомъ* или *Оранже-скомъ*, Ренье Генуэзскій и Жираръ Віанскій отправляются ко двору Карла Великаго; но они принуждены были въ Реймсѣ долго ждать, пока ихъ допустятъ къ королю. Потерявъ терпѣніе, они — какъ Илья Муромецъ въ нашихъ былинахъ — силою врываются во дворецъ и садятся за столъ, и потомъ дѣлаютъ разные безчинства, будучи недовольны пріемомъ, сдѣланнымъ имъ при дворѣ. Впро-

¹⁾ Смотр. въ монографіи *О Русскомъ богатырскомъ эпосѣ*.